

УДК 821.61

Е.И. Сулица

**ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ:
ПОЭТИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ И ПРИНЦИП СИНКРЕТИЧНОСТИ**

Актуальностью отличается комплексный анализ женских персонажей древнерусской словесности, занимающих центральное место в разных по своему жанровому определению произведениях. В центре исследования – летопись и каноничное житие (главный образ – святая княгиня Ольга), неканоническое житие (святая Феврония). На примере данных образов выделен и рассмотрен принцип синкретичности в изображении женщины, а точнее святой русской княгини, на разных этапах русской истории – от XII до XVI столетия. Предпринят анализ христианских, языческих и фольклорных мотивов, переплетение которых находится в центре поэтической образности выделенных для исследования женских образов.

древнерусская литература, фольклор, женские образы, христианские и языческие мотивы, принцип синкретичности, житие, святая княгиня Ольга, святая Феврония Муромская.

К художественной специфике женских литературных образов исследователи обращались неоднократно, чаще всего в связи с изучением текстов, в которых женщине отводилась значительная роль. Вместе с тем сравнительно мало научных работ, непосредственно анализирующих женский характер, нашедший отражение в словесности Древней Руси¹.

Интерес к женской теме только начинает развиваться, о чем свидетельствует появление исторических, культурологических и литературоведческих трудов, обращенных к проблемным вопросам положения женщин и его литературного воспроизведения в памятниках средневековой словесности². Очевиден

¹ Буслаев Ф.И. Идеальные женские характеры Древней Руси // О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990. С. 262–293; Демин А.С. Женские загадки в древнерусской литературе XI–XIV вв. // О художественности древнерусской литературы: очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. М., 1998. С. 100–104; Иванов Л. Замечательные женщины с древнейших времен до наших дней. Волгоград, 1991; Иконников В.С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Киев, 1874; Кайдаш С.Н. Сила слабых: женщины в истории России (XI–XIX вв.). М., 1989; Сильнее бедствия земного: очерки о женщинах русской истории. М., 1983; Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М., 2002; Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997; Снесаревский П.В. Отношение к женщине в памятниках русского средневековья (XI–XV вв.) // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М., 1983. С. 26–46; Чудинов А.Н. Очерк истории русской женщины в последовательном развитии её литературных типов. СПб., 1889; и др.

² Малкова Н.А. Женский религиозно-нравственный идеал в культуре Древней Руси: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2010; Полякова С.Г. Княгини Древней Руси X – первой половины XIII в.: соци-

в последнее время широкий исследовательский интерес к женским житиям, что обусловлено, с одной стороны, актуальностью изучения родовидовых особенностей отечественной и переводной агиографии, а с другой – центральной ролью женского образа в этих текстах, чего избегали авторы произведений других средневековых жанров.

В связи с этим представляется необходимым комплексный анализ отдельных женских образов средневековой словесности, при этом в качестве основополагающего определен принцип «синкретичности». Данное понятие впервые вводится применительно к анализируемым образам, поэтому следует его пояснить. Термин «синкретичность» (от гр. *synkretismos* – соединение, объединение) в научной традиции понимается как «недифференцированность, первоначальная слитность в каком-нибудь явлении, впоследствии расчленяющейся в самостоятельные ряды»³. Под синкретичностью женских образов древнерусской словесности мы понимаем соединение в рамках одного образа нескольких исходных женских типов, или праобразов, и непосредственно связанных с ними разнохарактерных мотивов, значимых в его изображении. Как правило, эти мотивы, берущие начало в литературной и фольклорной традициях и имеющие языческий или христианский характер, тесно переплетаются. Данное явление может быть объяснено долгим сосуществованием в средневековом искусстве христианства и язычества – двоеверием, а также целостностью восприятия мира древнерусским книжником, который в понимании описываемого опирался, в первую очередь, на опыт предыдущих поколений. Подтверждает это и Н.И. Толстой. В своих работах он приходит к выводу, что «язычество и его элементы не следует воспринимать как нечто совершенно чуждое христианству, как его антипод во всех отношениях и компонентах. Язычество... в течение веков, еще в дохристианскую пору эволюционировало и во многом сохраняло наслоения разных периодов»⁴.

Как правило, переплетение основных тематических мотивов определяется центральным мотивом, который связан со средневековым пониманием женской природы: или покорной жены, помощницы мужа (предназначение, данное первой женщине от Бога), или искусительницы, пособницы нечистой силы (искаженная женская природа после грехопадения), или святой (в основе – праобраз Богородицы). Проиллюстрируем реализацию этого принципа в рамках изображения женских персонажей, занимающих центральное место в разных по своему жанровому определению произведениях: в летописи и каноничном житии (святая княгиня Ольга) и в неканоническом житии (святая Феврония).

«Повесть временных лет» – первый письменный источник, запечатлевший образ княгини Ольги на основе материалов древних устных сказаний и легенд.

альный статус и роль в государственной политике : дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 294 с. ; Солоненко Л.В. Поэтика древнерусских женских житий : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006.

³ Ушакова Д.Н. Толковый словарь. 1935–1940. URL : <http://www.mirsllovushakova.ru/show - termin/115093/>

⁴ Толстой Н.И. Религиозные верования древних славян // Очерки истории культуры славян. М. : Правда, 1996. С. 160.

Летописные сказания об исключительной женщине русского средневековья прочитываются в четырех фрагментах: кратком повествовании о ее замужестве и потере мужа, о мести древлянам и укреплении Киевского княжества, о поездке в Константинополь и крещении, о конце жизни и смерти.

Во второй и третьей частях, самых больших по объему, главное внимание в повествовании уделяется чертам Ольги, связанным с ее мудростью и решительностью как правительницы. Во многом они являются определяющими для сравнения образа княгини на семантическом и структурном уровне с летописным изображением «вещего» Олега. А.М. Ранчин отмечает, что двух героев роднит и сакральный ореол близких по звучанию имен, и мотив мудрости, и определяющая черта их натуры – воинственность и удача в борьбе с внешними врагами⁵. При этом следует учитывать разницу в смысловой наполненности указанных мотивов. Если Олег – язычник и обладает лишь земной мудростью, то есть силой разума, то Ольга – первая русская христианка, поэтому ей доступна высшая, божественная мудрость, сквозь призму которой ее месть древлянам прочитывается не как средневековая жестокость, но как справедливая кара недостойным за их желание завладеть чужой землей. Значимы и смысловые параллели между Ольгой и другими русскими правителями – ее сыном Святославом, который так и не принял христианство, и внуком – Владимиром, крестившим Русь.

Изображение Ольги как правительницы-христианки, радеющей за сохранение подвластных земель и неустанно молящейся за духовное спасение своего народа, сопоставимо с житийным образом царицы Елены, матери Константина Великого. Семантические связи двух женских образов на уровне общих мотивов неоднократно отмечались исследователями⁶. В основе этих связей, на наш взгляд, и совпадение имен двух дев, и общий церковный чин – равноапостольная (согласно словарю агиографических терминов, равноапостольный – это наименование святых, особо прославившихся благовестованием Евангелия и обращением народов в христианскую веру⁷). Известно, что после крещения Ольга была наречена именем Елена. Этот факт подчеркивается в повествовании («Бъ же имя ей наречено въ крещении Олена, якоже и древняя цесарица, мати Великого Костянтина»⁸) и говорит о неслучайности выбранного патриархом имени, которое воспринимается как знак данного свыше княгине предназначения стать русской царицей Еленой, просвещающей русских людей, погрязших во тьме язычества. Таким образом, в основе связи данных женских образов – их общая миссия начинательниц христианства в своем государстве.

⁵ Ранчин А.М. Семантика и структура рассказов об Олеге и Ольге в «Повести временных лет» // Русская речь. 2010. № 3. С. 72–79.

⁶ Бедина Н.Н. Образ святой княгини Ольги в древнерусской книжной традиции (XII–XVI вв.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4/30. С. 8–12; Солоненко Л.В. Поэтика древнерусских женских житий; Чекова И. Библиейские коды в летописном повествовании о княгине Ольге // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3/45. С. 125–126.

⁷ Живов В.М. Святость: краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 24.

⁸ Здесь и далее текст «Повести временных лет» цитируется с указанием страниц в скобках по: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 1: XI–XII века.

Кроме того, образы двух святых правительниц сближает, во-первых, сходство их биографий (неблагородное происхождение, красота и мудрость, благодаря которым обе становятся женами князей, потеря супругов по политическим причинам, жизнь близ сыновей и помощь им во всех делах). Во-вторых, обе наделены особой мудростью, которая приводит их к Богу и далее помогает обращать язычников в христиан: «И си бо от възвраста блаженная Олена искаше мудростью, что есть луче всего въ свѣтѣ семь, и налѣзе бисерь многоцѣнный, еже есть Христось». В-третьих, общим является мотив постоянной искренней молитвы о спасении своего народа, который особое развитие получает позднее, уже не в летописном, а в житийном тексте XVI века «Житие святой равноапостольной княгини Ольги», где находим подробное соотнесение двух святых: «Велик подвиг бѣше блаженныя Олги о сих, подражаше бо житию христоролюбивыя царицы Елены, иже съ сыном своим Константином царем многи земли приведоша во святое крещение. Святая бо Елена крестъ Господен обрѣте во Иерусалимѣ и сама обхожаше по святым мѣстам, идѣже сам Христос Богъ нашъ своими пречистыми ногами походи, и тамо христоролюбивая Елена постави святыя церкви. Тако сия блаженная Олга, новая Елена, обходящи грады и веси во всей Русстей земли всѣм людем благочестие проповѣдая и учаше их въре Христове...»⁹.

Итак, летописный образ Ольги вписывается в галерею правителей, вошедших в историю благодаря значительности своих деяний и влияния на судьбу государства. Н.Н. Бедина по этому поводу пишет: «Образ Ольги-христианки в летописи не вполне самостоятелен, а представлен в системе отношений: Ольга – ее сын Святослав, Ольга – ее внук Владимир, где русские князья определяют два возможных пути: к Богу и против Бога»¹⁰. Более детально характеризует эти связи И. Чекова: «Образ княгини Ольги в ПВЛ (Повесть временных лет. – Е.С.) вписывается в парадигму языческого и христианского правителя. По своей жестокости и хитроумию она сближается с языческими князьями (Олег, Игорь, Святослав). Своей христианской прозорливостью и мудростью Ольга-Елена являет идеальный образ правительницы-христианки Киевской Руси подобно царице Елене, матери Константина Великого»¹¹.

Третья и четвертая части летописных сказаний в «Повести временных лет» обнаруживают иную семантику образа, связанную с его православной трактовкой. Крещение героини и ее кончина представлены автором скорее в рамках описания святой библейской девы, а не реальной правительницы. И. Чекова, анализируя визит Ольги в Царьград, находит на основе общей сюжетной интриги и миссионерской роли параллели с ветхозаветными сюжетами о Сарре и Раав: «Улавливается идея о миссии киевской княгини как христианской праматери русского народа подобно Саре для израильского народа...

⁹ «Житие святой блаженной и равноапостольной княгини Ольги» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12 : XVI век. С. 358.

¹⁰ Бедина Н.Н. Образ святой княгини Ольги в древнерусской книжной традиции (XII–XVI вв.). С. 9.

¹¹ Чекова И. Библейские коды в летописном повествовании о княгине Ольге. С. 125.

возможна также и ветхозаветная параллель Ольга – Раав. Обе праведные женщины противопоставляются своему языческому и/или греховному окружению мудрым прозрением значения Божьей воли»¹². Обнаруживается и еще более высокий христианский праобраз Ольги – это Дева Мария, о чем свидетельствуют общие словесные модели в обращении к ним и общие мотивы их жизнеописания. «Повесть временных лет», завершая рассказ об Ольге, утверждает ее молитвенное заступничество перед Богом за Русскую землю: «Мы же речемъ къ ней: «Радуйся, руское познание къ Богу, начатокъ примирению быхом». Си пѣрвое вниде въ царство небесное от Руси, сию бо хвалить рустии сынове акы началницю, ибо по смерти моляшеся къ Богу за Русь». Известно, что и Богородица испокон веков молит Сына своего за спасение Русской земли и помилование всех грешных русских людей. Безусловна, по мнению Н.Н. Бединой¹³, эта параллель в эпизоде крещения Ольги: «И поучи ю патриархъ о вѣрѣ и рече ей: «Благословена ты еси в руських князехъ, яко възлюби свѣтъ, а тму остави. Благословити тя имуть сынове рустии и въ послѣдний родъ внукъ твоихъ» и его связи с возгласом архангела Гавриила: «Радуйся Благодатная! Господь с тобою; благословенна Ты в женахъ» (Лк. 1:28). И. Чекова, помимо данных фактов отмечает, что «...похвала княгине Ольге в ПВЛ под 969 г. отсылает к новым текстам о Богородице – византийским (Акафист Богородице) и староболгарским (Похвальное слово на Успение Богородицы Климента Охридского)»¹⁴. Более явные и подробные богородичные мотивы в образе Ольги представляется возможным обнаружить в ее жизнеописании в связи с ориентиром на сакральный образец – Калистратово «Житие пресвятой Богородицы». Здесь в рамках агиографического жанра реализуется принцип «*imitatio Mariae*», выделенный Т.Р. Руди¹⁵, который заключается в перенесении идеальных черт Девы Марии на святых жен житий. В данном случае он включает в себя соотнесение двух образов посредством мотивов «внутреннего разума», чистоты и целомудрия. Следует отметить, что мотив ума и «мудрости» становится ключевым в создании житийного образа Ольги. Он проходит лейтмотивом через все ее жизнеописание, при этом героиня показана не только «мудрой» правительницей, как в «Повести временных лет», но и, в первую очередь, умной женщиной, просветленной Божьей благодатью.

Таким образом, говоря о христианской составляющей образа Ольги, можно выделить не только явную параллель с царицей Еленой, но и неявные, выстраивающие связи с ветхозаветными святыми девами и житийным образом Девы Марии.

Еще одна составляющая образа – это фольклорные мотивы, которые, по видимому, берут свое начало в устной традиции, послужившей основой и ле-

¹² Там же.

¹³ Бедина Н.Н. Образ святой княгини Ольги в древнерусской книжной традиции (XII–XVI вв.). С. 9.

¹⁴ Чекова И. Библейские коды в летописном повествовании о княгине Ольге. С. 126.

¹⁵ Руди Т.Р. Средневековая агиографическая топика (принцип *imitatio* и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов. М., 2002. С. 40–55.

тописному, и отчасти агиографическому текстам. И. Чекова отмечает, что «летописные тексты о мести Ольги (945, 946) напоминают русские волшебные сказки, где действуют коварные невесты, и сближают ее с гордыми женщинами-мстительницами, отстаивающими родовую честь в скандинавском эпосе и сагах», а в эпизоде визита русской княгини к царю Константину обнаруживает связь образа с «хитроумной сказочной невестой»¹⁶. Основа этих параллелей прослеживается в особом языке Ольги, который можно считать проявлением ее женской мудрости, уже не данной от Бога, а более земной, с помощью которого она смогла «переключать», то есть перехитрить, непригожего ей жениха. Эту особенность речи некоторых женских персонажей русской литературы обнаруживает А.С. Демин и определяет ее вслед за сборником «Измарагд» как умение «говорить клюками»¹⁷. За этой особенностью он усматривает индизнаказательность женской речи, которой героини как бы загадывают загадки героям-мужчинам, неспособным разгадать их в силу своей приземленности и прямолинейного взгляда на вещи. Исследователь обращает внимание на то, что «склонность Ольги к говорению «клюками» показана в летописи выразительно и разнообразно»¹⁸. Стоит отметить, что летопись не так богато включает фольклорные сюжеты, связанные с Ольгой, как ее жизнеописание XVI века. Так, «Повесть временных лет» не дает сведений о происхождении будущей княгини (согласно житийной традиции она была из простого рода, дочерью перевозчика из Псковских земель), не включает сказание о «едином женском естестве» (эпизод знакомства Ольги с будущим мужем князем Игорем в житии), которые приходят в более поздний агиографический текст с целью создания цельного образа праведной героини. Эти сюжеты, не вошедшие в летопись, обнаруживают связь образа Ольги с «мудрой девой» русских сказок.

Таким образом, в летописном и житийном образе княгини Ольги реализуется выделенный принцип синкретичности, который проявляется в соединении литературно-христианской и фольклорной традиций. Первая обнаруживает семантические параллели между героиней и другими русскими правителями (Олег, Игорь, Святослав) и ее связь с образами святых православных жен (ветхозаветные Сарра и Раав и новозаветные царица Елена и Дева Мария), а вторая – отсылает к героиням русского и скандинавского сказочного эпоса («мудрая дева», «хитроумная невеста», «женщина-мстительница»).

Если «Житие равноапостольной княгини Ольги» XVI века в основе своей строго канонично, то «Повесть о житии Петра и Февронии» Ермолая-Еразма XVI века представляет собой явное нарушение принятой агиографической схемы. Жанровая специфика данного произведения вводит в галерею женских образов средневековья совершенно уникальный по силе обаяния и степени художественности образ Февронии Муромской. В понимании этого образа можно выделить две основ-

¹⁶ Чекова И. Библейские коды в летописном повествовании о княгине Ольге. С. 126.

¹⁷ Демин А.С. Женские загадки в древнерусской литературе XI–XIV вв. С. 100–104.

¹⁸ Там же. С. 102.

ные традиции: фольклорную (Р.П. Дмитриева, М.В. Кривошеев, М.О. Скрипиль¹⁹) и православную (О.В. Гладкова, Н.С. Демкова, И. Чекова²⁰), которые во многом связаны с жанровой трактовкой текста. Важно осмыслить эти тенденции в совокупности, поскольку ключ к пониманию главного женского образа «Повести...» кроется, на наш взгляд, в комплексном подходе к его анализу, который позволяет обнаружить в его основе принцип синкретичности. Для этого необходимо суммировать основные мотивы, связанные с образом святой Февронии.

Фольклорное наполнение «Повести...», а следовательно и образа главной героини, кроется в первую очередь в связях со сказкой²¹ и с основой древних преданий и «бродячих сюжетов», широко вошедших в ее сюжет²². При этом жанровая сущность памятника все же агиографическая в силу авторского замысла и глубинного религиозного значения, которое Ермолай-Еразм придает фольклорным источникам. В связи с этим четко определяется тяготение образа Февронии к двум женским типам: «мудрая дева» и «святая». Первый из них берет начало в сказочной традиции, второй – в житийной. Относительно главных героинь женских житий нами уже упоминался выделенный Т.Р. Руди принцип «imitation Mariae»²³. В рамках его реализации на первый план выходит мотив «внутреннего разума», который может быть интерпретирован как мотив особой «мудрости», присущей избранным женам, отмеченным Господом. Этот мотив неоднократно реализуется в образе Февронии и раскрывает тесную связь его фольклорно-языческой и литературно-православной основ. В сцене первого появления Февронии ее загадочные речи напрямую не соотносятся с особой мудростью Богородицы, но очень близка реакция окружающих на слова обеих дев: «Удивлена бывши мудрости ея и ради и разума паче всѣхъ сущихъ дѣвицѣ в родѣ томъ... яко дивитися всѣмъ ра-

¹⁹ Дмитриева Р.П. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979; Кривошеев М.В. Князь и боярство в «Повести о Петре и Февронии». К вопросу о жанре «Повести о Петре и Февронии» // Муромо-Рязанская земля: очерки социально-политической истории XI – начала XIII в. по материалам повестей. Гатчина, 2003. С. 75–146; Скрипиль М.О. Повесть о Петре и Февронии в ее отношении к русской сказке // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 131–167.

²⁰ Гладкова О.В. Тема ума в «Повести о житии Петра и Февронии» XVI в. // Макариевские чтения. Можайск, 1996. Вып. 4. Ч. 2. С. 251; Она же. Тема ума и разума в «Повести о житии Петра и Февронии» (XVI в.) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 223–235; «Повесть от Жития Петра и Февронии» Ермолая Еразма // Литература Московской и Домосковской Руси: аналит. пособие. М., 2008. С. 373–396; Демкова Н.С. К интерпретации «Повести о Петре и Февронии»: «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма как притча // Средневековая русская литература: поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997; Чекова И. Змей, князь и мудрая дева-целительница в житийной «Повести о Петре и Февронии Муромских» // Мир житий: сб. материалов конф.; 3–5 октября 2001 г., г. Москва. М., 2002. С. 181–191.

²¹ Померанцева Э.В. Сказка о Петре и Февронии // Учен. зап. Воронеж. ун-та. Воронеж, 1958. С. 255; Росовецкий С.К. К изучению фольклорных источников «Повести о Петре и Февронии» // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 1/21. С. 83–87; Скрипиль М.О. Повесть о Петре и Февронии в ее отношении к русской сказке.

²² Дмитриева Р.П. Повесть о Петре и Февронии; Чекова И. Змей, князь и мудрая дева-целительница в житийной «Повести о Петре и Февронии Муромских»; Шайкин А.А. Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии Муромских» // Фольклорные традиции в русской советской литературе. М., 1987. С. 20–36.

²³ Руди Т.Р. Средневековая агиографическая топика. С. 47–48.

зуму ея и глаголанию ея»²⁴; «Юноша же той не разумѣ глаголь ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чудеси... Вижу тя, девице, мудру сущу»²⁵. Приведенные примеры подтверждают иносказательность их речи, связанную с загадками, о которой упоминалось в связи с образом княгини Ольги. Но если «загадки» Богородицы полны сакрального смысла, то речи Февронии берут свое начало в фольклорной традиции и связаны, скорее всего, с устным жанром загадок, который вошел как обязательный элемент в сюжетную канву сказок о «мудрой деве».

Мудрость Февронии не ограничивается «иносказательностью» ее речи, главное ее проявление в делах, которые совершаются согласно христианской морали и далеки от каких-либо фольклорных мотивов. О.В. Гладкова в отношении Февронии говорит об «истинном разуме», поскольку ей «открыто высшее знание»: «в отличие от всех остальных, «очи» ее видят истинную сущность происходящего»²⁶. Об этом говорят не только сами действия девы, но и то, как она их совершает. Следует вспомнить «необыкновенную «тишину» ее образа, на которую указывал Д.С. Лихачев²⁷. Все, что совершает Феврония, полно кротости и лишено какой-либо корысти. Даже ее настойчивость в стремлении к браку с Петром – это не попытка удачно выйти замуж, как оно может быть понято с житейских позиций, это проявление высшего знания о своей судьбе и судьбе своего будущего супруга, для которого брак с ней – единственный путь к спасению души. А.Н. Ужанков считает, что «здесь кроется очередная – мудрая – загадка Февронии: не стать супругой князю она хочет, а спрашивает самое себя, сможет ли быть («имам бытии») супругой ему!.. Именно ей самой придется позднее доказывать и боярам, и Петру, что она может быть супругой князю!»²⁸.

По-христиански смиренно и мудро ведет себя Феврония в отношении бояр, которые разжигают в князе Петре недоверие к супруге, обвиняя ее в привычке к бедности: «От коегождо, – рече, – стола своего без чину исходит: вегда бо встати ей, взирает в руку свою крохи, яко гладна!» (С. 464). Даже оказавшись в трудной ситуации сомнений Петра в правильности выбора отъезда из Муром, Феврония не осуждает князя, а старается помочь ему преодолеть колебания. На его сомнения она отвечает: «Не скорби, княже, милостивый Богъ, творец и промысленник всему, не оставит нас в низиетъ быти!» (С. 466). И словно для укрепления веры супруга совершает чудо со срубленными деревцами: «Да будут сия на утрии дровие велико, имущи вѣтви и листвие». Еже и бысть: вставши бо

²⁴ «Слово святого отца Епифания о житии святыя Богородица, матери Господа нашего Иисуса Христа» // Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. С. 196.

²⁵ Здесь и далее текст «Повесть о Петре и Февронии Муромских» цитируется по: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9 : Конец XIV – первая половина XVI века. С. 45. Далее цитаты приводятся по данному изданию с указанием в круглых скобках страниц.

²⁶ Гладкова О.В. «Повесть от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма // Литература Московской и Домосковской Руси : анализ. пособие. М., 2008. С. 386.

²⁷ Лихачев Д.С. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» // Великое наследие. М., 1975. С. 256.

²⁸ Ужанков А.Н. Повесть о Петре и Февронии Муромских (герменевтический опыт медленного чтения). Ч. 1. URL : www.pravoslavie.ru.

утре, обретоша тыя древца велико древие имуще вѣтви и листвие» (С. 466). Сюжет о выросших деревьях можно считать заимствованным из агиографической литературы. В одном из эпизодов «Жития святого Георгия» рассказывается о том, как по требованию царя Магнетия святой обратил доски четырнадцати седалищ в цветущие деревья. Д.С. Лихачев дает следующую оценку этому эпизоду: «Животворящая сила любви Февронии так велика, что жердья, воткнутые в землю, расцветают в деревья по ее благословию... В силе своей любви, в мудрости, как бы подсказанной ей этой любовью, Феврония оказывается выше даже своего идеального мужа – князя Петра»²⁹.

Следуя христианскому идеалу, героиня никого и никогда не осуждает, проявляя истинное милосердие. «Она не возражает врагам и не оскорбляет их открытым поучением, а прибегает к иносказанию, цель которого – преподать безобидный урок: ее противники сами догадываются о своих ошибках»³⁰. Именно так спасает Феврония от блудного греха юношу в сцене на реке. Заметив, что молодой человек посмотрел на нее «с помыслом», Феврония просит его испить воды, поочередно почерпнув с каждой стороны лодки, чтобы он понял, что «едино естество женское». О.В. Гладкова отмечает, что притча о женском естестве, использованная Ермолаем-Еразмом, неоднократно встречается в мировой литературе и фольклоре («Тысяча и одна ночь», «Декамерон», псковское предание о княгине Ольге и др.)³¹. В этой притче проявляется аналогия образов двух «мудрых дев» – Ольги и Февронии, важная в отношении синкретичности религиозных и фольклорных традиций в их изображении.

Тема смирения, раскрытая в этом и предыдущих эпизодах, во многом соотносима с мотивом «бесстрастия», который выделяется не только в образе Февронии, но и вообще в «Повести...», на что указывает Н.Н. Бедина³². Исследовательница считает, что «финальная часть Повести рождает ощущение тишины, «неговорения», покоя. Бытовая деталь – нить, которую Феврония бережно обматывает вокруг иглы, заканчивая вышивать и готовясь к смерти, – передает внутреннее состояние покоя и абсолютного доверия Творцу, отсутствие страдания и страха перед смертью, что поддерживается на концептуальном уровне текста отсутствием проявлений рационально-чувственной земной природы человека»³³. То есть мотивы смирения и «бесстрастия» сливаются в итоге в лейтмотив «тишины». О.В. Гладкова указывает, что гимнографические тексты обращаются к Богородице. «Тишино», то есть мотив «тишины», постоянно сопутствующий образу Февронии, снова возвращает нас к образу Девы Марии, что подтверждает православную основу мудрости героини. Это не просто фольклорная «мудрая дева», это «святая жена», «истинный разум» которой диктует ее поступкам сакральный смысл, освященный Божьей благодатью.

²⁹ Лихачев Д.С. «Повесть о Петре и Февронии Муромских». С. 256.

³⁰ Там же. С. 253–254.

³¹ Гладкова О.В. «Повесть от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма. С. 388.

³² Бедина Н.Н. К вопросу о внутреннем сюжете «Повести о Петре и Февронии Муромских» XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3/45. С. 15.

³³ Там же.

Таким образом, мудрость героини, на первый взгляд соотносимая с иносказательностью «мудрых дев» фольклорных сказок, при более глубоком рассмотрении открывает «истинный разум», который дан Февронии от Бога и через который ее образ сближается с Богородицей и святой равноапостольной Ольгой из житийного сочинения.

Безусловной особенностью «Повести...» как жития является воспевание в нем исключительного вида святости – святости в браке. И в нем очевидно духовное превосходство женщины. Можно сказать, что Феврония изначально свята своими помыслами, делами, «мудростью» и только благодаря ей Петр обретает христианское смирение и «бесстрастие». Это позволяет говорить о важной составляющей образа Февронии: не только верной супруги, но, в первую очередь, жены-наставницы. Отсюда еще одна православная параллель ее образа: «Феврония, встречающая посланца своего будущего мужа и провидящая будущее, – это одна из мудрых евангельских дев, ожидающая своего Жениха»³⁴. Согласно православному учению о браке, только жена может открыть в муже истинный его лик: брак подразумевает взаимное духовное возвышение, восстановление в человеке его первоначальной красоты – «образа и подобия Божия». Таким образом реализуется важный в понимании образа святой девы мотив «жены от Бога», руководящей мужем в пути к Царствию небесному. Исследователи неоднократно указывали на особенность «Повести...», связанную с воспеванием супружеской святости, на значение Февронии как испытания для Петра, но не поднимали вопрос о ее Божественном предназначении быть супругой-наставницей, чьи помыслы и поступки практически воплощают идеал православного учения о браке, который нам видится одним из центральных в ее образе.

Можно отметить сюжетные параллели образа Февронии с главной героиней «Сказания о Тристане и Изольде» (излечение от болезни будущего супруга, совместные испытания как проверка силы любви, насильное разлучение и чудесное воссоединение после смерти). Но нельзя говорить о совпадении смыслового значения образов, поскольку изображение Изольды и истории их взаимоотношений с Тристаном лишено религиозного подтекста, тогда как в «Повести...» он играет главную роль. В контексте понимания «Повести...» как жития святых супругов очевидно ее соотнесение с более ранними произведениями этого жанра переводного характера: «Житие Ксенофонта и Марии», «Житие Галактиона и Епистимии», «Житие Евстафия Плакиды», основываясь на которых Ермолай-Еразм создает первое оригинальное житие, воспеваящее подобный вид святости – святости в браке.

Таким образом, в образе святой Февронии принцип синкретичности реализуется в соединении фольклорных (связь с образами «мудрых» героинь сказок и фольклора) и литературных традиций (смысловые параллели со святыми евангельскими невестами, святой равноапостольной Ольгой и Богородицей; связи сюжетного уровня с женскими образами «Сказания о Тристане и Изольде» и переводных супружеских житий; новый мотив «жены от Бога»). Их синтез в обли-

³⁴ Гладкова О.В. «Повесть от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма. С. 383.

ке героини позволяет автору «Повести...» создать уникальный женский образ, выделяющийся среди других героинь литературы средневековья.

Подводя итог, отметим, что каждый из обозначенных женских образов был создан на основе слияния литературной и фольклорной традиций и обнаруживает их тесное переплетение и взаимопроникновение, что особенно ярко проявилось в мотиве «мудрости». С одной стороны, он отсылает к сказочной традиции изображения «мудрых дев», с другой – к православному образу Девы Марии, озаренной «внутренним разумом».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Бедина, Н.Н. К вопросу о внутреннем сюжете «Повести о Петре и Февронии Муромских» XVI в. [Текст] // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 3/45.
2. Бедина, Н.Н. Образ святой княгини Ольги в древнерусской книжной традиции (XII–XVI вв.) [Текст] // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 4/30. – С. 8–12.
3. Гладкова, О.В. «Повесть от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма [Текст] // Литература Московской и Домосковской Руси : анализ. пособие / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; Ин-т мировой лит. РАН им. А.М. Горького. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – С. 273–396.
4. Житие святой блаженной и равноапостольной княгини Ольги // Библиотека литературы Древней Руси [Текст] / под. ред. Д.С. Лихачева [и др.]. – СПб. : Наука, 2003. – Т. 12 : XVI век. – С. 325–377.
5. Демин, А.С. Женские загадки в древнерусской литературе XI–XIV вв. [Текст] // О художественности древнерусской литературы : очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 100–104.
6. Дмитриева, Р.П. Повесть о Петре и Февронии [Текст]. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1979. – 340 с.
7. Живов, В.М. Святость [Текст] : краткий словарь агиографических терминов. – М. : Гнозис, 1994. – 110 с.
8. Лихачев, Д.С. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» [Текст] // Великое наследие. – М. : Современник, 1975. – С. 253–259.
9. Малкова, Н.А. Женский религиозно-нравственный идеал в культуре Древней Руси [Текст] : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Рос. гос. пед. ун-т им. Герцена. – СПб., 2010 – 19 с.
10. «Повесть временных лет» [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д.С. Лихачева [и др.] – СПб. : Наука, 2003. – Т. 1 : XI–XII века. – С. 62–315.
11. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д.С. Лихачева [и др.]. – СПб. : Наука, 2000. – Т. 9 : Конец XIV – первая половина XVI в. – С. 452–471.
12. Полякова, С.Г. Княгини Древней Руси X – первой половины XIII в.: социальный статус и роль в государственной политике [Текст] : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Брянск, 2006. – 294 с.
13. Померанцева, Э.В. Сказка о Петре и Февронии [Текст] // Ученые записки Воронежского университета. – Воронеж, 1958. – С. 255.

14. Ранчин, А.М. Вертоград Златославный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях [Текст] : моногр. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 576 с.
15. Росовецкий, С.К. К изучению фольклорных источников «Повести о Петре и Февронии» [Текст] // Вопросы русской литературы. – Львов, 1973. – Вып. 1/21. – С. 83–87.
16. Руди, Т.Р. Средневековая агиографическая топика (принцип *imitatio* и проблемы типологии) [Текст] // Литература, культура и фольклор славянских народов : XIII междунар. съезд славистов, Люблина, 2003 : доклады российской делегации. – М., 2002. – С. 40–55.
17. Скрипиль, М.О. Повесть о Петре и Февронии в ее отношении к русской сказке [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – М. ; Л., 1949. – Т. 7. – С. 131–167.
18. «Слово святого отца Епифания о житии святыя Богородица, матери Господа нашего Иисуса Христа» [Текст] // Летописец Еллинский и Римский / Ин-т. рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН ; вступ. ст., археограф. обзор и крит. аппарат изд. О.В. Твороговым. – СПб. : Д. Буланин, 1999. – С. 195–217.
19. Солоненко, Л.В. Поэтика древнерусских женских житий [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Владивосток, 2006. – 176 с.
20. Толстой, Н.И. Религиозные верования древних славян [Текст] // Очерки истории культуры славян. – М. : Правда, 1996. – С. 145–195.
21. Ужанков, А.Н. Повесть о Петре и Февронии Муромских (герменевтический опыт медленного чтения) [Электронный ресурс]. – Ч. 1. – Режим доступа : www.pravoslavie.ru.
22. Чекова, И. Библейские коды в летописном повествовании о княгине Ольге [Текст] // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 3/45.
23. Чекова, И. Змей, князь и мудрая дева-целительница в житийной «Повести о Петре и Февронии Муромских» [Текст] // Мир житий. – М., 2002. – С. 181–192.
24. Шайкин, А.А. Фольклорные традиции в Повести о Петре и Февронии Муромских [Текст] // Фольклорные традиции в русской советской литературе. – М., 1987. – С. 20–36.

REFERENCES

1. Bedina, N.N. K voprosu o vnutrennem syuzhete «Povesti o Petre I Fevronii Muromskikh» XVI veka [On the issue of inner plot of «The Tale of Peter and Fevronia» of the XVI century] [Text] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Ancient Russia. Issues of medieval studies. – 2011. – N 3/45.
2. Bedina, N.N. Obraz svyatoy knyagini Ol'gi v drevnerusskoy knizhnoy traditsii (XII–XVI veka) [The image of the Holy Princess Olga in the book tradition of Old Russia] [Text] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki - Ancient Russia. Issues of medieval studies. – 2007/ – N 4/30. – P. 8–12.
3. Gladkova, O.V. «Povest' ot zhitiya Petra I Fevronii» Yermolaya Yerazma [Ermolai-Erasm's «Story of the life of Peter and Fevronia»] [Text] // Literatura Moskovskoy I Domoskovskoy Rusi – Literature of Moskov I Pre-Moscow Russia: analytical manual / Moscow State University named after M.V. Lomonosov ; Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky. – M. : Languages of Slavic culture, 2008. – P. 273–396.
4. Zhitiye svyatoy blazhennoy I ravnoapostol'noy knyagini Ol'gi [The Life of the Holy Blessed and Equal Apostles Princess Olga] [Text] // Biblioteka literatury Drevney Rusi – Li-

brary of the literature of ancient Russia / ed. by D.S. Likhacheva [et al.]. – SPb. : Science, 2003. – Vol. 12 : 16th century. – P. 325–377.

5. Demin, A.S. Zhenskiye zagadki v drevnerusskoy literature XI–XIV vekov [Women's mysteries in the literature of Ancient Russia of the 11–14th centuries] [Text] // O khudozhestvennosti drevnerusskoy literatury: ocherki drevnerusskogo mirovideniya ot «Povesti vremennykh let» do sochineniy Avvakuma – On the artistry of the literature of Old Russia: Essays of Old Russian worldview from «Tale of Bygone Years» to Habakkuk's writings. – M. : Languages of Russian culture, 1998. – P. 100–104.

6. Dmitriyeva, R.P. Povest' o Petre i Fevronii [The Tale of Peter and Fevronia] [Text]. – L. : Science. Leningrad Department, 1979. – 340 p.

7. Zhivov, V.M. Svyatost' [Holiness] [Text] : hagiographic brief glossary. – M. : Gnosis, 1994. – 110 p.

8. Likhachev, D.S. «Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh» [«The Tale of Peter and Fevronia»] [Text] // Velikoye nasledie – The great heritage. – M. : Sovremennik, 1975. – P. 253–259.

9. Malkova, N.A. Zhenskiy religiozno-nravstvennyy ideal v kul'ture Drevney Rusi [Female religious and moral ideal in the culture of ancient Russia] [Text] : avtoref. dis. ... for degree of candidate of philological sciences: 24.00.01 / Russian State Pedagogical University named after Herzen. – SPb., 2010 – 19 p.

10. «Povest' vremennykh let» [Text] // Biblioteka literatury Drevney Rusi – The Tale of Bygone Years. The library of the literature of ancient Russia / ed. by D.S. Likhacheva [et al.]. – SPb. : Science, 2003. – Vol. 1 : 11–12th centuries. – P. 62–315.

11. «Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh» [«The Tale of Peter and Fevronia»] [Text] // Library literature of ancient Russia / ed. by DS Likhachev [et al.]. – SPb. : Science, 2000. – Vol. 9 : End of 14 – first half of the 16th century. – P. 452–471.

12. Polyakova, S.G. Knyagini Drevney Rusi X – pervoy poloviny XIII v.: sotsial'nyy status i rol' v gosudarstvennoy politike [Princess of Ancient Rus X – the first half of the XIII century : Social status and role in public policy] [Text] : The dissertation for a degree of the candidate of historical sciences : 07.00.02. – Bryansk, 2006. – 294 p.

13. Pomerantseva, E.V. Skazka o Petre i Fevronii [The Tale of Peter and Fevronia] [Text] // Scientific notes of the Voronezh University. – Voronezh, 1958. – 255 p.

14. Ranchin, A.M. Vertograd Zlatoslavnyy. Drevnerusskaya knizhnost' v interpretatsiyakh, razborakh i komentariyakh [Zlatoslavny Vineyard. Old Russian book culture in the interpretation, analysis and commentary] [Text]. – M. : New Literary Review, 2007. – 576 p.

15. Rosovetskiy, S.K. K izucheniyu fol'klornykh istochnikov «Povesti o Petre i Fevronii» [To the study of folklore sources «the Tale of Peter and Fevronia»] [Text] // Questions of Russian literature. – L'viv, 1973. – № 1/21. – P. 83–87.

16. Rudi, T.R. Srednevekovaya agiograficheskaya topika (printsip imitatio i problemy tipologii) [Medieval hagiographic topic (the principle of imitation and problems typology)] [Text] // Literature, culture and folklore of the Slavic peoples: 13th Int. Congress of Slavists, Ljubljana, 2003 reports of the Russian delegation. – M., 2002 – P. 40–55.

17. Skripil', M.O. Povest' o Petre i Fevronii v yeye otnoshenii k russkoy skazke [The Tale of Peter and Fevronia in its relation to the Russian fairy tale] [Text] // Proceedings of the ancient Russian literature. – M. ; L., 1949. – Vol. 7. – P. 131–167.

18. «Slovo svyatogo ottsa Yepifania o zhitii svyatyya Bogoroditsa, materi Gospoda nashego Iisusa Khrista» [«Holy Father Epiphanius about the Life Holy Mother of God, the mother of our Lord Jesus Christ»] [Text] // Chronicle of Hellenic and Roman / Russian

Academy of Sciences ; Institute of Russian literature. (Pushkin House). – SPb. : D.I. Bulanin, 1999. – P. 195–217.

19. Solonenko, L.V. Poetika drevnerusskikh zhenskikh zhitiiy [The poetics of ancient women's lives] [Text] : The dissertation of the candidate of philological sciences : 10.01.01. – Vladivostok, 2006. – 176 p.

20. Tolstoy, N.I. Religioznye verovaniya drevnikh slavyan [The religious beliefs of the ancient Slavs] [Text] // Essays on the History of Culture of the Slavs. – M. : The Truth, 1996. – P. 145–195.

21. Uzhankov, A.N. Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh (germenevticheskiy opyt medlennogo chteniya) [The Tale of Peter and Fevronia (hermeneutical experience of slow reading)] [Electronic resource]. – P. 1. – Access mode : www.pravoslavie.ru.

22. Chekova, I. Bibleyskiye kody v letopisnom povestvovanii o knyagine Ol'ge [Bible codes in the chronicle story of Princess Olga] [Text] // Problems of medieval history. – 2011. – № 3/45. – P. 125–126.

23. Chekova, I. Zmey, knyaz' i mudraya deva-tselitel'nitsa v zhitiiynoy «Povesti o Petre i Fevronii Muromskikh» [The serpent, the Prince and the wise virgin-healer hagiographic «Tale of Peter and Fevronia of Murom»] [Text] // The world of lives. – M., 2002. – P. 181–192.

24. Shaykin, A.A. Fol'klornyye traditsii v Povesti o Petre i Fevronii Muromskikh [Folk traditions in The Tale of Peter and Fevronia] [Text] // Folk traditions in Russian Soviet literature. – M., 1987 – P. 20–36.

E.I. Sulitsa

FEMALE CHARACTERS IN OLD RUSSIAN LITERATURE: POETIC IMAGERY AND SYNCRETISM

The paper provides a complex analysis of protagonist female characters in Old Russian literary works of different genres. The paper mainly focuses on the genre of chronicles and canonical hagiography (the main character is Saint Princess Olga), and non-canonical hagiography (Saint Fevronia of Murom). The two characters are used to exemplify the principle of syncretism in depicting a woman, a Holy Princess, at various stages of Russian history (12th – 16th centuries). The paper analyzes Christian, pagan, and folk motifs used to depict the two female characters.

Old Russian literature, folklore, female characters, Christian and pagan motifs, syncretism, hagiography, Saint Princess Olga, Saint Fevronia of Murom.